

А.Ф.Кофман

Советский Союз в литературе Латинской Америки

В статье анализируется образ СССР, каким он предстает в произведениях известных испаноамериканских поэтов и писателей, таких, как С.Вальехо, П.Неруда, Г.Гарсиа Маркес, Н.Гильен, О.Пас и К.Фуэнтес. В их восприятии на передний план выходит ярко выраженная идеологическая составляющая, которая, в зависимости от политической ориентации автора, придает образу апологетическую или негативную окраску.

Ключевые слова: испаноамериканская литература, СССР, социализм, леворадикальная интеллигенция, идеология, образ.

В Латинской Америке левые движения коммунистического толка сформировались самостийно, практически без участия эмиссаров СССР, и особенно прочные позиции левая идеология заняла в среде творческой интеллигенции. Тому есть ряд причин. Во-первых, глубокая экономическая отсталость подавляющего большинства стран континента: чем больше нищеты и социальной несправедливости, тем легче и действеннее коммунистические идеи проникают в сознание. Во-вторых, политические факторы: диктаторские и авторитарные формы правления чреватые революциями, которые берут на вооружение самые радикальные идеи переустройства общества. В-третьих, довольно прочно устоявшиеся в Латинской Америке традиции анархо-синдикализма, который легко впитывал марксизм. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов характерный латиноамериканский мессианизм.

Социалистическая революция, свершенная в России, рассматривалась как первый шаг на победном пути мировой революции, и этот ее посыл был воспринят левыми движениями во всем мире. Если в предшествующий период главным стимулом интереса к России в Латинской Америке служила литература, то теперь, несмотря на успех произведений ряда советских писателей (Бабель, Серафимович, Шолохов, Пильняк и др.) она уступила место идеологии. Важно отметить и тот немаловажный момент, что интеллектуал первой половины XX в. оказался в резко поляризован-

---

Андрей Федорович Кофман — доктор филологических наук, зав. отделом литератур Европы и Америки новейшего времени ИМЛИ им. А.М.Горького РАН (andrey.kofman@gmail.com).

Продолжение. Начало см.: Латинская Америка, 2011, № 2.

ном мире, организованном по принципу «кто не с нами — тот против нас»: в этих условиях любая серьезная критика Советского Союза воспринималась как помощь врагам. Все это, конечно, не могло не оказывать влияния на образ СССР, который складывался в произведениях испаноамериканских писателей левой ориентации. Радикально изменился, прежде всего, механизм создания образа, когда на место былой претензии на объективность приходит сознательная идеологическая, пропагандистская установка.

Латиноамериканские интеллектуалы при свойственном им обостренном восприятии несправедливого мироустройства искренне вдохновлялись идеями социальной справедливости, которые были провозглашены Октябрьской революцией. Неоспоримые достижения нашей страны, такие, как культурная и промышленная революции 20—30-х годов, великая победа во Второй мировой войне, военное и идеологическое противостояние с США, первый спутник Земли и первый человек в космосе, являлись доказательством правоты теории марксизма-ленинизма. К тому же латиноамериканская интеллигенция с ее традиционной антипатией к могущественному северному соседу вставала на сторону Советского Союза в его идеологическом и военном противостоянии с США.

Примечательно, однако, что старые мифы и стереотипы, рожденные преимущественно в лоне русской культуры*, частично сохраняются, но дополняются новыми мифами, пестуемыми в самой Стране Советов. Эти тенденции наиболее ярко воплотились в репортажах и воспоминаниях трех знаменитых латиноамериканцев: один из них — перуанский публицист и политический деятель Виктор Рауль Айа де ла Торре; два других — великие поэты перуанец Сесар Вальехо и чилиец Пабло Неруда.

Айа де ла Торре побывал у нас осенью 1924 г., посетил Ленинград, Москву и совершил путешествие по Волге, после чего опубликовал в Швеции и Швейцарии ряд репортажей. Автор интерпретирует революцию через базовые мифологемы и стереотипы, почерпнутые из русской литературы, и неслучайно он постоянно обращается к русской культуре, освоенной им весьма основательно. Все эти стереотипы представлены в его репортажах. Тайна русской души: «Путешествие по Волге дало мне возможность глубже проникнуть в русскую душу. (...) В памяти неоднократно всплывали сцены и персонажи из романов русских писателей, прочитанных в юности во время бессонных ночей там, в далекой Америке. Достоевский, Короленко, Горький открыли миру глубины психологии русского народа, но столкнувшись с ним лицом к лицу, обнаруживаешь его еще более загадочным, трогательным и чарующим». Противоречивость: «Этот простодушный, крепкий и спокойный крестьянин, который может быть бесконечно нежным и неистово яростным, лукавым и своекорыстным, упрямым и набожным, является хранителем жизненной силы многих поколений». Первозданность, природность: «Русский крестьянин подобен мощному стволу старого дерева, от которого разрастается широкий лес. (...) Чистые и свежие соки вновь поступают через корни, уходящие глубоко в землю»¹. Еще одна характеристика — «простота, свойственная сильным и служащая источником мощной энергии». Автор не забывает упомянуть и такие черты:

---

* См.: А.Ф.К о ф м а н. Дореволюционная Россия в испаноамериканской литературе. — Латинская Америка, 2011, № 2.

«Русский легковверен и податлив, легко увлекаем и мечтателен. Ему обязательно надо во что-то верить, страдать во имя чего-то»². И, конечно, перуанский публицист не мог не выделить мессианский пафос русского сознания и свершившейся революции: «...Этот национальный дух, этот славянский мистицизм, это бесстрашное религиозное мессианство представляют собой главный и наиболее мощный источник силы русского народа»³. При таком восприятии закономерен ход мысли Аяа де ла Торре: для него революция — это производное и кульминация базовых характеристик русской души: «Революция использовала открывшийся источник духовной энергии и направила его в нужное русло. По крайней мере, она пытается сделать это. Поставив такую задачу, революция придает глубокой и чистой русской душе свою форму»⁴. Как видно, главная особенность взгляда Аяа де ла Торре на СССР состоит в том, что в революции он не видит «разрыва времен», напротив, усматривает прочную связь прошлого (имманентно присущего русскому народу этнотипического начала) с настоящим. В этом его позиция глубоко отлична от взглядов Вальехо и Неруды.

Вальехо побывал в СССР трижды — в 1928, 1929 и 1931 гг. и по личным впечатлениям опубликовал в парижских газетах серию репортажей, на основе которых издал книгу «Россия, 1931. Размышления у стен Кремля», которая имела колоссальный успех даже среди интеллектуалов, далеких от коммунизма, и была многократно переиздана. Ведомый страстью, энтузиазмом и искренностью, поэт защищает достижения социализма с пропагандистским напором и догматизмом, словно бы позаимствованным со страниц газеты «Правда».

В статье «Подлинная ситуация в России» (1929) Вальехо заявляет о своей установке на объективность, но в той резкой системе противопоставлений, в которой представлен образ России, для объективности остается мало места. Это двойная система оппозиций: Запад / Россия и прошлое / настоящее, устремленное в грядущее, при том, что прошлое и Запад трактуются всегда в негативном ключе, а настоящее с его перспективой и Россия — в позитивном.

СССР противопоставлен Западу как иной мирострой: не только как пространство мирное — агрессивному, но также как мир разума, распорядка, строительства, действия, гуманизма, словом, как мир будущего — хаотичному, бесчеловечному, обреченному капиталистическому миру. Будущее, причем всечеловеческое, мессианское будущее — вот, собственно, та призма, сквозь которую Вальехо (и не только он) видит Россию, о чем многократно и прямо говорит: «Русский идеал, несомненно, восторжествует в будущем всего человечества»⁵.

Советский Союз стоит на перепутье между прошлым и будущим. Это ощущение соположения и разрыва времен Вальехо замечательно выразил в статье о Москве под названием «Три города в одном». Один — город прошлого, и, что интересно, автор воспринимает его в поэтическом видении, при этом воссоздавая традиционные мифологемы скрещения Азии с Европой, жестокости российской истории, примитивности, патриархальности и природности русского человека. «Город, вобравший в себя черты монголо-татарской, буддийской и византийской культур, Москва — это большая деревня, из умерщвленного варварского чрева которой еще выпирают ржавчина виселиц и византийских куполов, запах ячменной водки, кровь

крепостных, вино кремлевских празднеств, пот примитивных и бестиальных военных походов». Другой город — тоже тень прошлого — это старые, но реконструируемые здания; он соотносится с планом настоящего. Наконец, третий город, мысленно спроецированный в будущее, — это новые строящиеся здания, и автор не устает восхищаться современной советской архитектурой.

Каждому из трех городов соответствует свой социальный слой. Москве прошлого — бывшие буржуа, аристократия и помещики. Вот как их описывает Вальехо: «Дореволюционный русский бродит по Москве, словно раненый и озлобленный призрак (...) Это не актер, а зритель в театре реальности. Он не живет, а выживает»⁶. В столь же пренебрежительном тоне охарактеризован другой социальный слой — нэпманы, обыватели и несознательные рабочие, не участвующие в строительстве новой жизни: их удел — либо бессмысленное прожигание жизни, либо жалкое прозябание.

Цвет СССР, залог его великого будущего — большевики. Любопытно отметить, что, воспевая большевиков, Вальехо бессознательно, а может, и по чистому совпадению, использует некоторые из традиционных стереотипов образа русских, в частности, мифологему русской широты и отсутствия чувства меры. «Их деятельность выливается в патетические излишества и доходит чуть ли не до карикатуры. Они не знают промежуточных тонов. Большевик — это не мудрец, а человек, ни в чем не знающий удержу (*desmesurado*). Склонный к преувеличениям, но не к фанфаронству, он живописен и драматичен, страстен и безжалостен». Получается так, что большевики воплотили в себе эти национальные черты в самом экстремальном выражении. И в заключение — почти провидческое обобщение: «Их жизнь, полная страдания и самопожертвования, и в то же время естественности и страсти, вызывает чуть ли не религиозное почитание»⁷.

Но сколько бы Вальехо ни восславлял достижения Страны Советов и деяния большевиков, он оставался поэтом, человеком, для которого свобода духа была превыше всего; и как поэт он инстинктивно почувствовал то, что его настораживало в марксизме, — тенденцию к превращению в новую религию. Его художественная практика (если не считать романа «Вольфрам», неудачного упражнения в методе социалистического реализма) была бесконечно далека от коммунистических агиток. И эта болезненная раздвоенность сознания и сердца прорвалась в словах, сказанных им накануне второй поездки в СССР: «И вот в чем первопричина нашего беспокойства. Разрешает ли марксизм многочисленные проблемы духа? Обретут ли все моменты и возможности исторического бытия свое разрешение в марксизме? Наконец, охватывает ли марксизм человеческую сущность жизни?»⁸.

Первым серьезным ударом по престижу СССР в глазах латиноамериканской леворадикальной интеллигенции стал пакт Молотова — Риббентропа. После подписания пакта некоторые латиноамериканские деятели культуры в корне изменили свое отношение к Стране Советов: так, например, случилось с О.Пасом, который ранее увлекался марксизмом.

Великая Отечественная война и победа над фашизмом стерли из памяти этот эпизод. Когда началась война, латиноамериканская «искьярда» не только словом, но и делом помогала советскому народу в его борьбе с фашизмом. Так, в 1944 г. перуанская левая газета «*Democracia y Trabajo*» со-

брала 7 тыс. солей в дар Красной армии и советскому народу — эти деньги были переданы посольству СССР в Мексике. Некоторые испаноамериканские поэты откликнулись стихами на события войны. Особо широкую известность в Латинской Америке получили две «Песни любви к Сталинграду» (1942) Пабло Неруды. В этих страстных стихах выражены ненависть фашизму и восхищение стойкостью советских солдат: «Да здравствуют бойцы и комиссары, богатыри, которым нет преграды...». Нашлось в них место и образу Сталина:

Пылает взгляд вождя над канонадой,
а лютый враг вмерзает в лютый холод
и в снег, залитый кровью
Сталинграда.

(Перевод С.Гончаренко)

Пабло Неруда был последовательным марксистом (член компартии Чили с 1945 г.) и большим другом Советского Союза. Впервые поэт приехал в Россию в 1949 г. на 150-летие со дня рождения Пушкина. Вскоре Неруда стал членом Комитета по присуждению международных Сталинских, затем Ленинских премий в защиту мира; он также был вице-президентом Чилийско-советского института культуры, тесно сотрудничал с журналами «Иностранная литература», «Новый мир», «Знамя», был желанным гостем Союза писателей, Дома Дружбы, Комитета защиты мира, Дома актера, Московского радио.

Поскольку политические симпатии Неруды сложились задолго до того, как он посетил СССР, они не просто определили, но, можно сказать, диктовали ему восприятие Страны Советов. Стоит привести слова, сказанные другом и переводчиком поэта Э.Брагинской на заседании, посвященном столетнему юбилею со дня рождения чилийского поэта: «Неруда — это одна из тех великих драматических фигур XX в., — а их немало — Альберти, Пикассо, Ромен Роллан, Арагон, Фейхтвангер, долгие годы Амадо, — которые стали идейными друзьями СССР и каким-то непостижимым, роковым образом были рады обманываться, как и многие их сверстники в нашей стране, и видели у нас то, что им мечталось видеть». Именно этой мечтой рождены строки Неруды: «Ты, Советский Союз, расцветаешь / такими цветами, которым / на земле нет покуда названья».

Как и Вальехо, Неруда оценивает советскую действительность взглядом из будущего: «Я осознал и то, что с первозданных степных широт советского континента начнется великий полет в будущее. Все человечество знает: на советской земле куется гигантская правда, и весь изумленный мир напряженно ждет того, что должно свершиться». Между прочим, в том же ключе воспринимал СССР еще один защитник советского строя — знаменитый гватемальский поэт, писатель Луис Кардоса-и-Арагон, который в 1946 г. посетил Советский Союз и отразил свои впечатления от поездки в книге с характерным заглавием «Возвращение в будущее» (1948 г.).

В конструировании образа СССР его защитники из левой интеллигенции используют мифы и стереотипы, утвержденные в виде лозунгов в официальной советской идеологии. Не становится исключением и Неруда, который наряду с прочими мифами воспроизводит и тот, что был выпестован и всячески поддерживался в сталинскую эпоху, — образ страны, нахо-

Диего Ривера. Роспись в Рокфеллеровском центре в Нью-Йорке, 1933 г. Фигуры Ленина и Троцкого до сих пор привлекают внимание интеллектуалов Латинской Америки

дящейся в окружении врагов: «Может ли писатель не быть солидарен с народом, который отражает яростные атаки захватчиков, который окружен беспощадными врагами и мракобесами всех мастей?». В создаваемый по идеологическим параметрам образ легко встраиваются и многие другие советские лозунги — антиимпериализм, антиколониализм, братская помощь народам и прочие. В дальнейшем Неруда многократно выступал в защиту советского социализма, и нет нужды приводить эти высказывания. Интереснее обратиться к опыту осмысления минусов социализма.

Главным испытанием для Неруды стало развенчание культа личности Сталина: «Самая глубокая трагедия для нас, коммунистов, — вспоминает поэт, — заключалась в том, что мы поняли, что наши противники правы в оценке некоторых аспектов деятельности Сталина. На смену открытиям, потрясшим наши души, пришло болезненное состояние умов. Одни чувствовали себя обманутыми и волей-неволей принимали доводы врагов, переходили на их сторону». В этой ситуации марксисты во всем мире были вынуждены выработать стратегию самозащиты. И она была выработана — продолжим цитату: «Другие считали, что XX съезд — великое свидетельство силы и цельности коммунистической партии, которая выстояла несмотря ни на что, и, не испугавшись ответственности, явила миру историческую правду. И если мы действительно ответственны, то теперь, зная все, можем самокритично проанализировать прошлое: ведь самокритика и анализ — главные элементы нашего учения — не позволят повториться подобному». Неруда понимает, что «и революция, и те, кто ее делает, мо-

гут совершать ошибки и несправедливости». Он признает даже то, что «я, грешный, тоже внес свою лепту в культ личности Сталина». Однако под рукой всегда есть два самооправдания. Первое: «Но в те времена Сталин был для нас всемогущим победителем гитлеровских армий, спасителем всего человечества». За ним сразу же следует второе: «Перерождение его характера — какая-то непостижимая тайна, которую так и не смогли разгадать многие из нас»⁹.

Впрочем, Неруда не мог не видеть некоторых изъянов социализма, прежде всего в том, что касается свободы творчества. Как и в случае с Вальехо, художник в нем противился идеологу, хотя, в отличие от перуанского поэта, Неруда не соблюдал дистанцию между политическими воззрениями и поэзией, что и дало основание О.Пасу резко сказать о нем: «Его литература испорчена политикой, его политика — литературой...»¹⁰. Но и при этом он на уровне инстинкта не принимал цензуры, прямого социального заказа. Стоит привести воспоминание Л.Осповата, написавшего первую на русском языке книгу о творчестве Неруды. На вопрос о том, можно ли назвать его социалистическим реалистом, чилийский поэт ухмыльнулся и понимающе сказал: «Если очень нужно, то можно». То есть сам себя он к этому «прогрессивному методу» не относил, а значит, внутренне его не принимал.

Следует оговорить, что образ СССР в творчестве Неруды далеко не сводим к идеологическим чертежам; он намного более разнообразен и поэтичен, чем в репортажах Вальехо. Такое качество ему придает опыт тесного общения с советскими писателями и переводчиками. Благодаря этим дружеским контактам в творчестве Неруды образ Страны Советов предстает в глубоко личностном измерении.

Как только в поэзии Неруды образ Советского Союза изымается из идеологических схем, он тут же приобретает иное качество и, можно сказать, космический масштаб. Он насыщается мистикой, тайной, ощущением вечности; на первый план выходят мотивы самобытности, беспредельного пространства, мощи, соборности. Такой образ — по сути своей религиозно-экстатический — создан в стихотворении «Колокола России»:

Однажды я брел по безмолвной заснеженной шири,
И вот что случилось —
    Послушай, родная, про случай туманный:
мороз над пустынной степью
    развесил ледышки своих ожерелий,
и шкура планеты блестела,
    покрыв обнаженное тело России,
а я, раздвигая скелеты берез, в предвечерье огромном
шагаю, вдыхаю пространство
    и слушаю пульс одинокого мира.
Тогда-то и взмыл из безмолвия
    голос земли полуночной,
за голосом голос, вернее —
    всемирное многоголосье:
глубокий басовый удар
    неумолчный металл непроглядного мрака,
поток этот медленный — голос таинственный неба.

В округлые выси летел
этот вызов небесного камня
и падал во мглу водопадом серебряной скорби, —
вот так я в дороге и встретился
с колоколами России,
с глубинным ознобом их звона во тьме поднебесной.
(Перевод П.Грушко)

Во внеидеологическом образе Советского Союза проступают мифологемы и стереотипы, сформированные в русской, а через нее в западноевропейской культуре, и эта закономерность проявляется в заметках Габриэля Гарсиа Маркеса, написанных после первого посещения СССР, куда начинающий колумбийский писатель и журналист приехал в 1957 г. на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. В ноябре того же года он опубликовал репортаж «Я побывал в России», который два года спустя вышел в свет в несколько более расширенном варианте под названием «СССР: 22.400.000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы».

Следует подчеркнуть, что Гарсиа Маркес, хотя и был человеком левых убеждений, при восприятии советской действительности не исходил из предзаданных идеологических установок. Фрагменты репортажа свидетельствуют о том, что писатель был неплохо знаком с русской культурой, а значит, в его сознании присутствовал некий прообраз Советского Союза.

В первых строках репортажа автор повествует о пересечении границы. Этот рассказ полнится глубинным смыслом, и все дальнейшие его впечатления подтверждают, что государственную границу СССР он воспринимает в расширительном, символическом, онтологическом ключе — как границу между цивилизациями. Эта мысль вынесена в ироничное заглавие репортажа: «кока-кола» мыслится принадлежностью западной цивилизации; ее отсутствие — это не смысловое зияние, а образ иного миростроя. Русская граница в трактовке Гарсиа Маркеса — непроницаема. Она непроницаема в первую очередь на уровне сознания, что находит подтверждение в словах об «иной» непостижимой ментальности, которые, что примечательно, звучат как вывод в последних строках репортажа. Так, можно сказать, «обрамлен» репортаж, а вместе с ним и образ России.

Между этими смысловыми рамками и развивается тема инаковости СССР. Сразу вслед за мотивом границы эпически звучит лейтмотив безмерного пространства: «Человеческое воображение с трудом способно вместить в себя колоссальные размеры этой страны. (...) Эти размеры чувствуются, как только пересекаешь границу. (...) Возникает такое чувство, будто путешествуешь к недостижимому горизонту, где надо полностью изменить чувство пропорций, чтобы понять страну». Собственно, в этих строках просматриваются начала всех тех мотивов, что получают развитие в дальнейшем.

В приведенных выше цитатах ясно выделяются две характеристики. Первая — «колоссальные размеры» пространства. Они-то, по убеждению Гарсиа Маркеса, порождают монументализм, какую-то нечеловеческую масштабность русской ментальности и жизни во всех проявлениях. «Это страна, где невозможен камерный театр». Примечателен следующий фрагмент: «Громадные портреты вовсе не есть изобретение Сталина. Это нечто, порожденное глубинной психологией русских: инстинктом объема и коли-

чества». Очень важная и глубокая формулировка, куда не вошло понятие «качества». Действительно, объем и количество — это поле экстенсивности, то есть беспредельное количественное расширение, не переходящее в новое качество. Ярким выражением этой характеристики стал заголовок одной из подглавок репортажей: «Москва — самая большая деревня в мире» (напомним: тот же образ возникает в репортажах Вальехо). В нем вовсе нет ничего пренебрежительного по отношению к столице СССР; он выражает совсем иную мысль. Город — антипод природности, это пространство, создающее иное качество. Деревня же традиционно мыслилась частью природного пространства. Москва, таким образом, охарактеризована как воплощение объема и количества, не создающих нового «городского» качества. Сказанное, однако, вовсе не противоречит идее русской инаковости и тому, что говорилось о цивилизационной границе. Разумеется, Советский Союз имеет собственное качество — только образуется оно в поле экстенсивности.

На это указывает другая характеристика, прозвучавшая при описании пространства: смещение «чувства пропорций». Сформированный безмерным пространством «инстинкт объема и количества» толкает русских к чрезмерности проявлений во всем. Автор вспоминает: «Это было, как попасть в сумасшедший дом, пациенты которого даже в гостеприимстве и в великодушии потеряли чувство пропорций».

Москва, по определению Гарсиа Маркеса, создана «не по человеческим меркам». «Московская толпа — самая плотная в Европе — нисколько не обеспокоена диспропорцией мер». В цитированных фразах намеренно дан пусть неказистый, но буквальный перевод, чтобы выделить понятие «пропорции», столь важное для писателя. В пространственном отношении пропорция — это замкнутый мир, структурированный по знакомым объектам: в нем все относительно устойчиво, расстояния отмеряны, все соотносено друг с другом. В поведении людей пропорция — это разумное соотношение, чувство меры, здравый смысл, связь причины и следствия, четко установленная шкала ценностей. То есть в целом пропорция — тот рационалистический фундамент, на котором возведена западноевропейская цивилизация. Пропорция — это норма.

Безмерность русского пространства разрушает пропорции. Это пространство неструктурированное, имеющее естественной границей лишь удаляющийся горизонт; и лишенное центра, коль скоро Москва — большая деревня. Пропорции нарушены и в поведении людей: они не переступают норму, они ее не знают, отстоят от нее — например, «прогуливаясь по улицам в пижаме с самым естественным видом» или безо всякого стыда справляя нужду в общественном туалете без кабинок. Поэтому мотив, прозвучавший при создании образа пространства («надо полностью изменить чувство пропорций, чтобы понять страну»), получает развитие и дополнительный акцент: «Пребывая в Москве, честный турист быстро осознает, что ему требуется иная, отличная от нашей, система мер и весов, чтобы оценить реальность. У нас есть элементарные понятия, какие советским людям даже не приходят в голову». Прозвучавшие в вышеприведенной цитате местоимения «нас» и «наши» ясно указывают на то, что автор отождествляет себя с западноевропейцем, именно его глазами он видит нарушение меры.

Вместе с тем само повышенное внимание к понятию «пропорция», его семантическая нагруженность, выдают в авторе латиноамериканца. Ведь

основой латиноамериканской самоидентификации является мифологема сверхнормативности, сверхпредельности, т.е. представление о Новом Свете как мире аномальном, нарушающем европейскую норму. И между прочим ярче всего эти представления воплотились в творчестве самого Гарсиа Маркеса, в особенности в его одержимых героях, попирающих норму на каждом шагу. Но нельзя понять аномальность, исходя из другой аномальности. Понять аномальность можно только закрепившись на плацдарме нормы. Вот почему при восприятии и создании образа СССР он вынужден забывать о своем латиноамериканском происхождении и принимать взгляд западноевропейца.

В репортажах Гарсиа Маркеса достаточно много внимания уделено анализу особенностей советского социализма и различного рода внутривнутриполитических аспектов жизни страны. В целом можно констатировать, что колумбийский писатель не принял советскую систему в качестве ориентира для других стран, прежде всего, в силу отсутствия подлинной свободы личности, в том числе свободы слова. Но для Гарсиа Маркеса политическая система — лишь внешнее проявление неких глубинных национальных черт, которые он и пытается уловить, и строго выстраивает для себя иерархию причин и следствий. Советское есть лишь одно из проявлений русского начала, сформированного за многие века в лоне этой инаковой (по отношению к западноевропейской) цивилизации. Об этом он прямо заявляет в последних строках репортажа: «По моему глубокому убеждению, советский феномен — как в самых необычных, так и в простейших проявлениях — это самый сложный комплекс, несводимый к упрощенным пропагандистским формулам, будь то пропаганда капиталистическая или коммунистическая. Это другая ментальность»¹¹.

В хрущевскую и брежневскую эпохи интерес к Советскому Союзу во всем мире не иссякал, поскольку от исхода «холодной войны» между СССР и США напрямую зависела судьба человечества. В Латинской Америке этот интерес подогревался тем обстоятельством, что после кубинской революции СССР начал, можно сказать, идеологическую, экономическую и военную экспансию в регионе, взяв под свою опеку новорожденную социалистическую Кубу. Кубинский фактор, безусловно, сыграл важную роль в отношении латиноамериканской левой интеллигенции к Советскому Союзу: решительная поддержка кубинской революции сама собой подразумевала и поддержку СССР в пику США. К тому же отношение к СССР в немалой степени определялось тем образом Страны Советов, который с подачи Москвы был выпестован в официальной пропаганде и в культуре социалистической Кубы.

Этот образ вполне определенно выражен в творчестве крупного кубинского поэта Николаса Гильена. Впервые он побывал в Москве в 1954 г. в качестве гостя на съезде советских писателей; и в том же году снова приехал в Москву получать Международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами». Впоследствии он неоднократно посещал СССР, где пользовался таким же официальным признанием, как Неруда. «Совсем недавно, три недели назад, я был в Москве, — пишет он. — Если от чего-нибудь я там и «задохнулся», так это от нежности, заботы и дружеских объятий, в которые меня поспешили заключить»¹². Вместе с тем в

текстах Гильена об СССР — как прозаических, так и поэтических — вовсе нет ни человеческих, эмоциональных деталей, ни той стихии личностного, поэтического начала, которая отличает тексты Неруды. Образ СССР в интерпретации Гильена монолитен и своей простотой напоминает чертеж, своего рода треугольник, одна сторона которого — отсутствие расовой дискриминации, вторая — борьба за мир, третья — противостояние североамериканскому империализму, интернационализм и помощь братской Кубе. Этот образ нашел законченное выражение в пространном стихотворении «Советский Союз», которое завершается следующими строками:

Советский край, тебе я отдаю
всю душу пробужденную свою,
с тобою вышли мы на верный путь,
и с этого пути нам не свернуть:
нам столько волн враждебных било в борт!
Отныне знаем мы, где порт.

(Перевод П.Грушко)

Между тем, то размежевание среди латиноамериканских интеллектуалов в отношении к СССР, о котором с горечью говорил Неруда в связи с развенчанием культа личности Сталина, в брежневскую эпоху лишь обострялось, поделив интеллигенцию на два лагеря. Во главе тех, кто, по словам Неруды, «принимали доводы врагов, переходили на их сторону», стоял еще один будущий лауреат Нобелевской премии — мексиканский поэт, эссеист и философ Октавио Пас, который говорил, что «проказа сталинизма — болезнь неизлечимая»¹³. Весьма показательна идеологическая эволюция этого писателя.

Еще обучаясь в Национальной подготовительной школе (1930—1932), он сблизился с марксистами и с юношеской страстью уверовал в их догматы. Свидетельством тому стала его первая публикация — статья «Этика художника» (1931), где автор резко выступает против чистого искусства и призывает художников встать на службу революции. Революционные убеждения Паса еще больше окрепли на факультете права Мексиканского национального автономного университета. В 1936 г., по окончании университета, Пас поехал работать на Юкатан, в правительстве которого левые занимали столь прочные позиции, что Юкатан был объявлен ими «первым социалистическим штатом в Америке». Здесь Пас основал Комитет в защиту демократии в Испании и отсюда по приглашению Лиги революционных писателей и художников отправился участвовать в работе Второго международного конгресса писателей в защиту культуры в Валенсии. Поэт трижды выступал на заседаниях конгресса, являя приверженность идеям социализма, и эту линию он продолжил по возвращении на родину, где публиковал статьи в прокоммунистических газетах.

Перелом в политических взглядах Паса произошел в 1939 г., позднее он писал: «Пакт между Гитлером и Сталиным возмутил и разгневал меня. Я порвал с коммунистами. Мне было очень одиноко. К счастью, нашлись и те, кто разделял мою точку зрения. Но разрыв с Нерудой и другими был крайне болезненным для меня. Тогда же я впутался в горькую полемику со сторонниками так называемого «социалистического реализма»¹⁴. Это вы-

сказывание отражает коренной поворот в воззрениях Паса: отныне он навсегда отказывается от партийности и категорически отвергает идею ангажированного искусства.

Разрыв Паса с левыми углубился в 1950 г., когда поэт опубликовал в мексиканской прессе свидетельства и документы о сталинских концлагерях, собранные французом Д.Руссе, а годом позже сам выступил с обличениями сталинского режима. Тогда, в 1950 г., сталинские концлагеря воспринимались «вывихом» советской системы, и левая интеллигенция не осмеливалась задаться вопросом: не есть ли это закономерное порождение системы? Лишь после появления книги Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» О.Пас и его единомышленники выносят окончательный приговор советскому социализму: «Мой комментарий повторял общепринятое объяснение: советские концлагеря порочат лицо режима, но они не воплощают собой черту, внутренне присущую системе. Да, говорить так в 1950 г. было политической ошибкой, но утверждать это сейчас, в 1974-м — больше, чем ошибка». Если раньше Пас считал, что лагеря имели чисто экономическую функцию, будучи жестокой формой эксплуатации, сродни рабовладению, то позже он расширил свое видение системы: «Политическая и психологическая функции лагерей проясняются: речь идет об институте, если так можно выразиться, профилактического террора. Целый народ, даже при относительно более гуманной власти Хрущева и его преемников, живет под угрозой заключения. Удивительное понимание догмы о первородном грехе: каждый советский гражданин может быть отправлен в исправительно-трудовой лагерь. Социализация вины предполагает и социализацию наказания». Вывод однозначен: лагеря — органическое порождение «самой советской системы, как ее основали Ленин и большевики»¹⁵.

С течением времени Пас углублял свое видение советской политической системы. В статье «Марксизм и ленинизм» он выявил главный ее порок, который решительно отвращал его от реального социализма, — а именно, презрение к личностной свободе. «Репрессивная советская система — это инвертированный образ политической системы, созданной Лениным. Лагеря принудительного труда под управлением политической бюрократии, аресты без предварительного следствия, суды за закрытыми дверями, пытки, запугивание, самообвинения и самооговоры, всеобщая слежка — все это закономерные следствия диктатуры одной партии, а внутри нее диктатуры группы людей и одного человека»¹⁶.

Однако в своем анализе советского феномена Пас не остановился на чисто политическом аспекте и попытался заглянуть еще глубже — в историю и этнопсихологию. В статье «Культура, традиция, личность» он заявляет, что его не устраивают расхожие объяснения сталинизма следствием большевистской идеологии или экономической отсталости России. «Не менее важен другой фактор: сама история России, ее политическая и религиозная традиция, вся эта газообразная полусознательная масса верований, чувств и образов, которая и составляет то, что античные историки называли *гением* (душой) народа». Мексиканский философ усматривает определенные параллели между просвещенным деспотизмом Петра I и Екатерины II и деспотизмом Ленина и Троцкого, между кровавой паранойей Ивана Грозного и Сталина. Повторяемость событий приводит к мысли о том, что это проявление более древнего наследия — византийского, восточного и

языческого славянского. Множественность культурных пластов, лежащих в основании российской цивилизации, предопределила противоречивость русского характера и, как следствие, русской истории — эта мысль неоднократно звучала в рассуждениях латиноамериканцев о нашей стране: «История России — это странная смесь чувственности и экзальтированного спиритуализма, брутальности и героизма, святости и мерзостных предрассудков».

Все это, однако, не мешает Пасу признать мессианскую роль России в обновлении западноевропейской цивилизации и чуть ли не буквально повторить то, что говорили русские философы рубежа веков: «Русские создали не только самую богатую, глубокую и сложную литературу в мире, но они представляют духовную традицию, живую и уникальную в нашем мире. Я убежден, что эта традиция призвана оплодотворить, как живительный ключ, иссохший, эгоистический и прогнивший современный Запад»¹⁷. Любопытно отметить, что то же самое и чуть ли не в тех же выражениях говорили латиноамериканские культурфилософы Родо, Васконселос и другие о мессианской роли Латинской Америки.

Столь же характерный идеологический вираж совершил другой крупный мексиканский писатель — прозаик Карлос Фуэнтес. В юности он увлекался марксизмом, вступил в компартию и в конце 50-х годов его статьи постоянно появлялись в коммунистических изданиях. Он с восторгом воспринял кубинскую революцию и в январе 1959 г., сразу после свержения кубинского диктатора, прилетел в Гавану, чтобы выразить поддержку Фиделю Кастро. Поворотным моментом в его отношении к кубинскому социализму и социалистической системе в целом стало так называемое «дело Падильи» (кубинского поэта, арестованного за «контрреволюционные» стихи), которое вызвало глубокое размежевание среди латиноамериканских писателей. Если Г.Гарсиа Маркес и Х.Кортасар поддержали Фиделя, то К.Фуэнтес, О.Пас, чилиец Х.Доносо и перуанец М.Варгас Льюса осудили преследования инакомыслящих и стали все более критически оценивать опыт социализма, в первую очередь советского, который копировали страны — сателлиты СССР. Последние иллюзии рассеялись в 1968 г. с вводом советских войск в Чехословакию, где незадолго до этого Фуэнтес побывал вместе с Гарсиа Маркесом, — после этого мексиканский писатель навсегда порвал с идеологией левых движений. Но, как и Пас, вовсе не встал на сторону США в «холодной войне», а остался «над схваткой» приверженцем демократических идеалов.

Свою позицию Фуэнтес выразил в детективно-политическом романе «Голова гидры». Его герой, будучи вовлечен в политическую интригу, действует, как ему представляется, по собственному разумению, но всякий раз оказывается, что его поступки, даже самые непредсказуемые и отчаянно храбрые, были заранее просчитаны агентами КГБ или ЦРУ. В современном мире, каким его представил Фуэнтес, роль божественного провидения взяли на себя эти две могущественные организации, и что бы человек ни делал, он так или иначе служит одной из этих сил. «Гидра наших страстей извивается меж лапами этого двуглавого орла, этого кровавого орла, порождающего все насилие мира... Все мы — помет этого чудовища»¹⁸.

Итак, к эпохе перестройки в среде испаноамериканской интеллигенции сложилось два поляризованных образа Советского Союза, оба идеологизированных: положительный и довольно отлакированный образ «друга», стоящего в авангарде борьбы против североамериканского империализма; и негативный образ тоталитарного режима (но не врага), столь же далекий от идеала социального устройства, как капиталистическое общество. Следует подчеркнуть, что в недрах и того, и другого образа частично сохранялись и неожиданно всплывали идеологемы и мифологемы, заимствованные из русской классической литературы и философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.Р.Айа дела Торре. Из России. Перев. П.Тулаева. — Латинская Америка, 1990, № 12.

² В.Р.Айа дела Торре. Указ. соч. — Латинская Америка, 1990, № 11, с. 90—91.

³ В.Р.Айа дела Торре. Указ. соч. — Латинская Америка, 1990, № 12, с. 52.

⁴ В.Р.Айа дела Торре. Указ. соч. — Латинская Америка, 1990, № 11, с. 91.

⁵ C.Vallero. Desde Europa. Crónicas y artículos. Lima, 1987, p. 313.

⁶ Ibid., p. 407, 410.

⁷ Ibid., p. 415—416.

⁸ Цит по: Ю.Гирин. Сесар Вальехо. — История литератур Латинской Америки. Очерки творчества писателей XX века. М., 2005, с. 45.

⁹ П.Неруда. Признаюсь: я жил. М., 1978., с. 318, 400, 310.

¹⁰ F.Vizcaino. Biografía política de Octavio Paz o la razón ardiente. Málaga, 1993, p. 74.

¹¹ G.García Máguez. Obra periodística, vol. 4. Barcelona, 1983, p. 499, 498, 499, 505, 503, 502, 501, 503, 517, 523.

¹² Н.Гильен. Избранное. М., 1982, с. 438.

¹³ O.Paz. Las Ilusiones y las Convicciones. — Plural 55. México, abril de 1976.

¹⁴ O.Paz, J.Ríos. Solo a dos voces. Barcelona, 1973, S.p.

¹⁵ О.Пас. Архипелаг — чернилами и желчью. Перевод Н.Богомоловой. — Иностранная литература, 1991, № 1, с. 220 — 224.

¹⁶ O.Paz. El ogro filantrópico. Barcelona, 1990, p. 252.

¹⁷ Ibid., p. 253—254.

¹⁸ C.Fuentes. La cabeza de la hidra. México, 1985, p. 273.

Окончание следует